

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

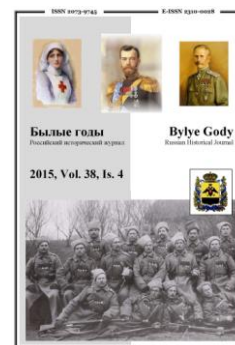
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 955-964, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

**Elements of European Political Culture in the Central Asian National Outskirts
of the Russian Empire: Perception Specifics of Foreign Cultural Innovations
(late 19th – early 20th)**

¹Yuliya A. Lysenko

²Inna V. Anisimova

³Irina B. Bochkareva

⁴Marina F. Lysenko

¹Altai State University, Russian Federation
61, Lenina Ave., Barnaul, Altai Krai, 656023
Dr. (History), Professor
E-mail: iulua_199674@mail.ru

²Altai State University, Russian Federation
61, Lenina Ave., Barnaul, Altai Krai, 656023
PhD (History), Associate Professor
E-mail: iva0410@mail.ru

³Altai State University, Russian Federation
61, Lenina Ave., Barnaul, Altai Krai, 656023
PhD (History), Associate Professor
E-mail: portnygina@yandex.ru

⁴Altai State University, Russian Federation
61, Lenina Ave., Barnaul, Altai Krai, 656023
E-mail: rina_flamme@mail.ru

Abstract

The article considers the main results of political modernization in the Central Asian national outskirts of the Russian Empire taken place in the late 19th – early 20th centuries. The concept “Central Asian national outskirts” includes Stepnoy and Turkistan Governorate Generals, the two administrative-territorial entities founded in the 1860s as a result of a complete joining of the Kazakh camping grounds of the Junior, Middle and Elder zhuzhes; after the Kokand and Khivinsk khanates inhabited by nomads (the Kirghiz, the Kara-Kalpaks) as well as the settled population (the Uzbeks) were conquered.

The analysis of the sources and materials conducted by the authors asserts that the political modernization of the Central Asian national outskirts proposed by the Russian Empire was carried out in line with the fundamental characteristics of West European civilization and the basis of its political culture. Thus the system of local government was established and the democratic electoral system was introduced by means of expanding the voter’s base, with the region’s population participating in social and political life. The principles of bourgeois ideology based on such concepts as “equality”, “freedom”, “self-determination” were also formed.

However, the political modernization of the Central Asian national outskirts should not be considered as complete. Up to 1917 the political sphere of the region’s population was characterized by the predominance of traditional mores, values and laws, whereas clan ideology, tribalism and Muslim ethno-consciousness were characteristic of the social sphere. All these factors affected the process of adapting to western political culture. The institutionalization of the new structures did not go along with the de-institutionalization of the traditional ones, and so resulted in the combination and coexistence of the traditional and modern structures.

Keywords: Russian Empire, Central Asian national outskirts, traditional holding, political culture, modernization.

Введение

На протяжении последних десятилетий в науке наблюдается устойчивый интерес к истории России имперского периода с точки зрения ее полиэтничности и поликонфессиональности. Значительным событием в изучении данной проблематики стал выход в свет серии работ зарубежных исследователей А. Капшелера, М. фон Хагена, Дж. Хоскинга, К. Матсузато и др. [1-4]. Ученые предложили новую методологическую концепцию, в рамках которой империостроительство России рассматривается сквозь призму разработки и реализации национальной политики, направленной на инкорпорацию многочисленных народов в ее политико-правовое и социально-экономическое пространство.

Современные отечественные исследователи также признают, что в целом Россия «выработала такой тип национальных отношений, который учитывал интересы инородческих этносов и способствовал многовековой, относительно мирной совместной жизни народов различных расовых, религиозно-конфессиональных и этнических ориентаций». Это стало возможным благодаря разработке и реализации региональных стратегий национальной политики, применительно к конкретным этнорегионам, учитывающим специфику того или иного народа [5; 6].

Главной целью столь либерального курса национальной политики России при всем разнообразии ее региональных практик В.С. Дякин называл этатизм: укрепление общей для империи государственности и сохранение ее территориальной целостности, выражавшееся в объективной тенденции – выработке единого стандарта подданства и управления [7]. Эта цель наиболее актуализировалась в 60–70-е гг. XIX в., когда завершилось присоединение в состав Российской империи крупнейших этнорегионов: Степного края, Туркестана, Кавказа. Начавшаяся в этот же период модернизация политической и социально-экономической системы обозначила необходимость «унифицировать все части империи в административном, культурном, правовом и социальном смыслах, интегрировать общество по вертикали – через прежние сословные барьеры и по горизонтали – через национально-региональные границы независимо от их местоположения и всеми жителями страны независимо от их сословной и национальной принадлежности» [8].

Результаты и последствия политики Российской империи в контексте вариативности предложенных национальным окраинам модернизационных схем современными исследователями детально рассматриваются в рамках «польского», «еврейского», «мусульманского», «инородческого» вопросов [9]. В тоже время «центральноазиатский вариант» модернизации представлен в историографии крайне слабо. При этом преобладающей тенденцией является анализ процессов трансформации социально-экономической структуры традиционных обществ региона, вопросы трансформации традиционных политических культур остаются за рамками внимания исследователей. Данная статья представляет собой попытку восполнить существующий пробел.

Материалы и методы

Теоретической основой статьи выступает теория модернизации, которая объясняет закономерности перехода традиционных обществ из аграрного периода развития в индустриальный. Характерными его чертами выступают трансформации традиционных политических культур и социально-экономических отношений (системы хозяйства, технического вооружения и организации труда). При этом параллельно в ходе этого процесса происходит замена традиционных ценностей, препятствующих социальным изменениям и экономическому росту, на ценности, мотивирующие хозяйствующие субъекты на инновационную деятельность. Очевидно, что аграрное российское общество, население которого было крайне дифференцировано в правовом смысле, в переходный к индустриальному обществу период стремилось решить проблемы социально-правового, экономического равенства всех граждан империи. Именно с этой точки зрения необходимо рассматривать политику России в центральноазиатских национальных окраинах, направленную на инкорпорацию их населения в политико-правовое пространство империи.

Для решения заявленной исследовательской задачи был привлечен разнообразный круг источников. Среди них: законодательные и нормативные акты Российской империи (Устав о сибирских киргизах 1822 г., Положение об управлении оренбургскими киргизами 1844 г., Временные положения об управлении Оренбургским, Западно-Сибирским, Туркестанским, Степным генерал-губернаторствами 1860-х, 1880–1890-х гг.), позволяющие представить позицию государства по отношению к традиционным политическим институтам центральноазиатского общества, проследить эволюцию системы местного самоуправления, поэтапно вводившуюся в регионе на протяжении XIX в.

Наиболее информативной группой выступили источники делопроизводства региональных органов управления Степным и Туркестанским генерал-губернаторствами, отложившиеся в Центральном государственном архиве Республики Казахстан, а также опубликованные в ряде сборников документов и материалов. В источниках этой группы представлены Всеподданнейшие отчеты Степного и Туркестанского генерал-губернаторов, протоколы заседаний областных

правлений, переписка центральных органов власти (МВД, МИД, Военное министерство) с чиновниками местной администрации. Информация, представленная в делопроизводственной документации, позволяет выявить позиции администрации по целому спектру вопросов национальной политики России в отношении традиционных обществ региона, оценку ею степени готовности местных этносообществ к процессам трансформации и интеграции в социокультурное и политико-правовое пространство Российской империи.

Для анализа общественно-политической ситуации в центральноазиатских национальных окраинах на рубеже XIX–XX в. и степени участия коренных этносов в политических процессах привлекались материалы периодических изданий, выходивших в этот период в регионе, а также статистические источники – материалы Первой Всероссийской переписи населения.

Результаты

Завершение процесса присоединения территорий Старшего жуза, завоевание Кокандского ханства и включение в сферу российских интересов посредством системы протекторатов Хивинского ханства и Бухарского эмирата в 1870–1880-е гг. поставило на повестку дня вопрос об интеграции данного региона в общеимперское политическое и социально-экономическое пространство. Реализация данной стратегической задачи по времени совпала с началом буржуазных реформ в России, сопровождавшихся формированием единого общероссийского рынка, буржуазии, рынка рабочей силы, региональной специализацией, усилением социальной мобильности населения империи. Вектор политической модернизации пореформенной России был направлен в сторону создания конституционной монархии, предполагавшей либерализацию и демократизацию, формирование партийной системы и элементов гражданского общества. Таким образом, в основе российского варианта модернизации выступали фундаментальные характеристики западноевропейской цивилизации и ее основные элементы политической культуры [10].

Более низкий уровень развития и подчиненное положение центральноазиатских обществ (включенных в административном плане в состав Степного и Туркестанского генерал-губернаторств) в системе «метрополия-колония» определили основные направления межкультурного взаимодействия и реализацию политики их интеграции в общеимперское пространство. Их основным содержанием стала искусственная пересадка элементов политической системы более развитой российской/западной цивилизации на центральноазиатскую почву.

До середины XIX в. политика России в отношении многочисленных азиатских народов определялась рамками просветительской концепции исторического прогресса. Ее основой выступала идея линейного эволюционного развития человеческого общества, прошедшего ряд этапов от состояния дикости, общего для всех народов, через варварство к цивилизации. Эволюция предполагала движение к определенной цели на основе интеллектуального развития и морального совершенствования. Целью движения должно было стать достижение «позитивной эпохи», признаками которой выступали торжество рационализма и науки, доминирование промышленно производства. Движение к «промышленной системе» как общественному идеалу просветители рассматривали сквозь призму исторической неизбежности, которая объединит человечество и приведет к стиранию национальных границ.

Концепция эволюционизма определила патерналистский подход в политике России по отношению к ее азиатским народам. Как отмечает в связи с этим Е.П. Ковалышкина «Роль европейца-культуртрегера соответствовала привычному мессианскому самочувствию России. В фундаментальной для него "универсальной истине" легли воспринятые из Европы представления об атрибутах культурного прогресса и "цивилизованного общества": рациональный политический порядок, развитое право и соответствующая система хозяйственной деятельности (доктрина физиократов о земледелии как критерии цивилизованности), оседлый образ жизни, развитие наук и пр., отвергавшие ценностное значение "незападного"» [11]. Распространение влияния российской экономики и государственной власти на народы Центральной Азии должно было оказать на них благоприятное влияние, сделать их надежными подданными великой державы, на приращение могущества которой они способны будут обратить свои хозяйственные навыки и труд.

В политическом плане выражением этой концепции стало создание так называемой системы «косвенного управления». Ее суть сводилась к частичному сохранению традиционных политических институтов с целью контроля за внутренней жизнью обществ, внедрению новых административных институтов управления и формированию прослойки чиновничества из местной этнической среды в качестве посредников и агентов российского влияния в регионе. Так, в 1820-е гг. у казахов Младшего и Среднего жузов, ранее других народов Центральной Азии попавших в сферу влияния России, был отменен традиционный политический институт ханской власти. В тоже время, не смотря на введение российского судопроизводства, у кочевников был сохранен традиционный судебный орган – суд биев. Аналогичная ситуация имела место в Туркестанском генерал-губернаторстве: исковые и гражданские дела оставались в компетенции шариатского суда.

Введение и оптимизация деятельности административных институтов управления в регионах Центральной Азии осуществлялись Россией поэтапно на протяжении всего XIX в. Центральное место в созданной системе управления принадлежало органам местного самоуправления. Так, у казахов

Младшего жуза в первой половине XIX столетия на ее первом уровне реализовывался принцип разделения кочевий на три части – Западную, Центральную, Восточную – во главе с султанами-правителями. За ними закреплялись полицейская и исполнительная функции, и они были подотчетны Оренбургской пограничной комиссии. Каждая из трех частей делилась на дистанции во главе с дистанционными начальниками и аулы с аульными правителями, составляя второй уровень этой системы.

На территории Среднего жуза в 20–40-е гг. XIX в. была создана трехступенчатая модель административного управления: округ – волость – аул. Местное самоуправление казахов-кочевников было представлено волостным и аульным звеньями. Во главе волости как составной части округа стоял волостной управитель – старший султан. Аульные старшины руководили низовыми звеньями системы административно-территориального управления. Они подчинялись волостному правителю, в «точности исполняли его предписания», обязаны были следить за «тишиной и порядком во вверенном ему ауле» и т.д.

Несомненным достоинством системы местного самоуправления Средним жузом являлось введение выборности должностных лиц. Так, старший султан избирался из султанского сословия сроком на три года, но за ним сохранялось право переизбрания на второй и другие сроки. Выборы производились по большинству голосов, причем отсутствующий по каким-либо причинам избиратель мог прислать доверенное лицо и изложить свое мнение в письменном виде. Избранный на должность мог приступить к исполнению обязанностей – полицейских, надзирательных и судебных – только после прохождения процедуры утверждения в должности Омским областным начальством. Эта мера позволяла российской администрации контролировать избирательный процесс и проводить на должности лояльно к ней настроенных казахских лидеров.

Должность волостного правителя являлась выборной лишь в момент образования волости. В круг его обязанностей входило «охранение общей и частной безопасности» и вообще спокойствия и тишины в волостях. В выборах аульного старшины участие могло принимать все взрослое население аула. Процедура избрания проходила в аулах словесно, большинство голосов решало исход дела. На выборах обязательным было присутствие волостного управителя. Он не участвовал в процедуре голосования, но в случае несогласия с его результатами, имел право «присоединять к тому свои мнения» окружному приказу [12].

На протяжении 1830–1850-х гг. круг допущенных к избранию в Среднем жузе неизменно расширялся. Представители региональной власти считали, что разделение казахов на волости и аулы и предоставление им права избирать волостных и аульных начальников, способствовали разрушению традиционных социальных установок и постепенному ослаблению родового начала. Утверждение на должность избранных народом представителей российской администрацией и установление для них фиксированного жалования, льгот и привилегий способствовали более успешной интеграции степной политической элиты в социальную структуру российского общества.

В то же время к середине XIX в. стал очевидным и ряд недостатков системы выборов в казахской степи. Во-первых, существовал имущественный ценз для выборщиков и особый социальный статус, лиц, допущенных к выборам. Во-вторых, выборы аульных старшин производились в присутствии волостного управителя казахами того аула, к которому принадлежал избираемый, причем словесно по большинству голосов. Это, по мнению властей, нарушало демократичность процедуры голосования, ее необходимо было сделать тайной. Существующая ситуация вела к тому, что выборы старшин происходил в большинстве случаев по указанию волостного управителя и взаимному соглашению между собой родоначальников, т.е. не могло быть речи о народном выборе. В-третьих, претенденты на должность аульного старшины, не имевшие поддержки волостных правителей и народа, для приобретения поддержки использовали подкуп и «всевозможные послабления». Критиковалось и отсутствие оплаты труда руководителям низовых звеньев системы местного самоуправления. Это обстоятельство давало аульным и волостным старшинам основания прибегать к косвенным поборам, которые тяжело отражались на народе [13].

Во второй половине XIX в. происходила унификация административно-территориальной системы и системы местного самоуправления в казахской степи. Параллельно, в связи с завоеванием Россией Кокандского и Хивинского ханств, начался процесс формирования административно-территориальной системы созданного на этих территориях Туркестанского генерал-губернаторства. В результате в центральноазиатских национальных окраинах была сформирована единая пятиступенчатая модель управления: генерал-губернаторство – область – уезд – волость – аул. В системе местного самоуправления в отношении кочевого населения наблюдалась преемственность с предыдущим периодом и она сохранила двухступенчатую модель на уровне волостей и аулов. Для оседлых земледельческих народов Туркестанского края вводилась одноступенчатая модель, на уровне аксакальств, которые соответствовали сельским обществам внутренних районов империи [14].

Ключевым моментом административных преобразований в центральноазиатских национальных окраинах в 1870–1890-х гг. являлся вопрос о целесообразности сохранения выборных начал в системе местного самоуправления для коренного населения региона. Единства в его решении не было как у представителей центральных, так и региональных органов власти. Определенная группа чиновников считала нецелесообразным дальнейшее сохранение выборности при

формировании органов местного самоуправления, настаивая на необходимости укрепления государственной власти в регионе посредством установления военно-административного режима. Она была убеждена, что традиционные социальные установки и нормы общежития не позволят «туземцам» быстро освоить достижения европейской цивилизации, в том числе, в вопросе трансформации традиционной политической культуры. Основанием для подобного рода заявлений выступали многочисленные свидетельства региональных органов власти о «предвыборных распрях» в аульных и волостных обществах, которые «принимали часто столь угрожающие общественному спокойствию и порядку размеры, что повторение выборов, а иногда и самое их допущение являются совершенно бесцельными». По сообщениям уездных начальников в ходе предвыборной кампании, кандидаты на должности тратили до 1500 рублей, формируя себе «партию» путем «угощения и подкупов». Победив на выборах, волостной правитель и его окружение стремились как можно скорее возместить финансовые затраты, понесенные ими во время предвыборной кампании, как правило за счет «проигравшей партии». При этом использовались незаконные с точки зрения российской юридической системы методы: подача ложных исков, захват земли, угон скота, составление ходатайств о высылке и т.д. Кроме этого, предвыборная борьба противостоящих группировок порождала систему трайбализма, когда победившая «партия» стремилась на вакантные должности волостного правления и аульных старшин провести кандидатов из своих родовых звеньев. Таким образом, только один род или подрод становился полным хозяином волости. Проигравшая «партия», а вместе с ней и весь ее род, оказывалась абсолютно незащищенной от произвола. В лучшем случае такая ситуация приводила к разделу аула на две части, в худшем – к прямым столкновениям между противниками [15].

Другая группа администраторов, напротив, считала необходимым повсеместное распространение выборных начал среди народов центральноазиатских национальных окраин. Свои аргументы они основывали на том, что, во-первых, выборы как институт политической системы являлись важнейшим элементом традиционных обществ региона. Во-вторых, подчеркивалось, что коренным народам необходимо прививать идеи гражданского общества. Концепция их интеграции в политическое пространство России диктовала, по их мнению, необходимость введения здесь общеимперских законов и уравнения в правах всех граждан государства, в том числе в вопросах предоставления и организации местного самоуправления. В-третьих, местное самоуправление по представлениям многих чиновников способствовало созданию социальной прослойки – чиновничества их местной этнической среды – обеспечивающей взаимодействие коренного населения с российскими органами власти.

На законодательном уровне практическую реализацию нашла вторая точка зрения. Поэтому во второй половине XIX в. неизменно расширялась социальная база как выбираемых, так и выборщиков. К кандидатам на должность волостного правителя или аульного старшины/аксакала предъявлялся ряд формальных требований: возрастной ценз (достигшие 25 лет), отсутствие судимости, уважение и почет со стороны избираемых. Социальное происхождение кандидатов во внимание не принималось. Право косвенного участия в выборах получило все население степи. Однако сама процедура голосования не носила характер всеобщности. В каждой волости 50 кибиток избирали одного делегата на волостной съезд для избрания волостного правителя и его кандидата. Аналогичный принцип действовал при избрании аульного старшины/аксакала: на аульном сходе избранный от 10 кибитководельцев/домовладельцев представитель мог выразить их гражданскую позицию.

Голосование являлось тайным, «баллотировочными шарами или другими условными знаками». Результаты голосования определялись по принципу мажоритарности: набравший большинство голосов считался избранным на должность. От системы местного самоуправления действовавшей в Младшем и Среднем жузах в 1830–1840 гг., был заимствован принцип контроля со стороны военных губернаторов областей и уездных начальников за выборами: им было предоставлено право утверждать результаты выборов. Если выборы признавались несостоявшимся, военному губернатору было позволено назначать новые выборы.

Во избежание злоупотреблений со стороны волостных управителей и аульных старшин, считавшихся крупнейшим недостатком действовавшей в первой половине XIX в. системы местного самоуправления, законодатели предприняли ряд ограничительных мер. Во-первых, вводились временные ограничения (три года) на занятие той или иной должности в степи. Во-вторых, параллельно с волостным начальником вводилась должность его кандидата, т.е. помощника. Изменялся и статус должностных лиц местных органов управления. Законом им определялась фиксированное жалование, выплачиваемое аульными обществами. Они также получали государственные символы власти: печать и нагрудные знаки. Должностным лицам системы местного предоставлялись полицейские, исполнительные, в некоторых случаях, судебные функции. Военные губернаторы имели право в случае невыполнения возложенных на них обязанностей отстранять волостных правителей и аульных старшин от должности.

Элементы представительной системы и системы выборов на должность в органы местного самоуправления, созданные в центральноазиатских национальных окраинах, подготовили в начале XX в. условия для роста этнического самосознания и консолидации народов, их политизации и

включения в религиозное, общественно-политическое и парламентское движение. Свидетельством являлось участие народов Степного и Туркестанского генерал-губернаторств в I всероссийском съезде мусульман, прошедшем в 1904 г. в Нижнем Новгороде, в профсоюзном, рабочем и аграрном движении в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. [16], а так же подготовке к выборам и сами выборы депутатов в первую и вторую Государственную думу Российской империи в 1906–1907 гг. Оценивая эти события газета «Айкап», издававшаяся в Степном крае, отмечала: «Депутаты-казахи, участвовавшие в работе первых двух Государственных дум, увидели наяву равенство, которое им никогда в жизни не снилось: будучи депутатами, наделенными свободой участвовать в обсуждениях вопросов по совершенствованию законов и положений народов, они достигли высокого уровня» [17].

Важным элементом трансформации традиционных политических культур центральноазиатских окраин Российской империи стала интеграция представителей национальных интеллигенций в общероссийское партийное движение. При этом важно подчеркнуть, что на рубеже XIX–XX вв. центральноазиатская интеллигенция, малочисленная и разночинная по своему составу, находилась на этапе идеологического оформления, осознания своего места и роли в общенациональном движении. Поэтому, на начальном этапе своей деятельности она испытала мощное влияние российских партий, таких как кадеты и эсеры, и примыкала к ним [18].

На начальном этапе своей деятельности для национальных интеллигенций была характерна трансляция и реализация просветительских идей, призванных пробудит сознание народов региона и привести к реформации и старосредневекового, и колониального. Революционные события в России начала XX в. предопределили быструю эволюцию политических и идеологических ее взглядов: от идей просветительства к оформлению идеологии национально-освободительного движения, с последующим выделением из нее политических идей [19].

Просветительство и политическая практика лидеров национальных движений оказали определенное воздействие на сознание народов центральной Азии. Тесная связь метрополии и трансляция ее политических событий на центральноазиатские национальные окраины привела к тому, что в традиционных обществах региона стали говорить о «свободе», «равенстве», и «национальных задачах». Анализ региональных периодических изданий начала XX в. позволяет говорить, что под «равенством» и «свободой» понимались, прежде всего, право посылки депутатов в Государственную думу, участие в обсуждении законопроектов страны, право постановки на рассмотрение Думы законопроектов, непосредственно затрагивающих региональные этнопроблемы. Когда новым избирательным законом, принятым в соответствии с Манифестом 1907 г. «О роспуске Государственной думы, о времени созыва новой думы и об изменении порядка выборов в Государственную думу», народы Степного края и Туркестана были лишены избирательного права, это было воспринято как «печальное» явление, как переход от «равенства» к «неравенству», как потеря «промелькнувшей свободы» [20].

«Свобода» и «равенство» в сфере внутренних прав традиционных обществ понимались как ограничение произвола и насилия местной администрации, решение религиозного вопроса (создание отдельного духовного управления - муфтията для мусульман центральноазиатского региона, свобода отправления религиозного культа), развитие национальной системы образования на родных языках, прекращение земельных экспроприаций в Переселенческий фонд. «Самоопределение» многими понималось как стремление к местному самоуправлению на подобию русского земства.

Однако в целом, по оценке исследователей, либерально-демократические взгляды центральноазиатской интеллигенции не позволили ей оформиться в зрелые демократическое массовое общественное движение. Лидеры национальной интеллигенции не выдвигали планов хотя бы частичных реформ хозяйственной, налоговой и судебной-административной систем, не выдвигали они проектов преобразования внутреннего управления и организации власти в крае. Первые партии («Алаш», «Уш-жуз» и др.) появились на политической арене региона в период революций 1917 г. При этом их социальная база была крайне узкой, что предопределило незначительную их численность [21].

Таким образом, на протяжении второй половины XIX – начала XX в. в центральноазиатских национальных окраинах Российской империи осуществлялось внедрение демократических элементов западной политической культуры: выборность народных представителей, демократизация выборов через расширение электората, участие населения региона в общественно-политическом процессе, формирование элементов буржуазной демократии, основанных на понятиях «равенство», «свобода», «самоопределение». Политическая борьба на выборах в Государственную думу Российской империи имела все необходимые атрибуты: партийные программы, агитацию, предвыборные обещания. В структурно-организационном аспекте демократическая политическая культура, свойственная западной цивилизации, была перенесена на местную почву и осваивалась коренными этносами. При этом следует отметить, что перенесение в традиционные общества региона новых элементов европейской политической культуры вряд ли можно считать самостоятельным направлением национальной политики государства, поскольку оно осуществлялось в рамках общеимперской политической модернизации.

Внешние проявления межцивилизационного взаимодействия России-метрополии с народами центральноазиатских национальных окраин, характеризовавшиеся институционализацией

заимствованных политических инокультурных инноваций, имели и обратную сторону, заключающуюся в усвоении цивилизацией–реципиентом новых ценностей, идей, обуславливающих качественно новую мотивацию поведения ее членов. В связи с этим, нужно отметить, что на рубеже XIX – XX вв., политическая жизнь центральноазиатских окраин была отмечена рядом специфических черт: неразвитостью активных форм национально-освободительной борьбы, слабым проявлением антиколониальных настроений, замедленным развитием политических партий. Политической индифферентностью большинства населения региона.

Главная причина видится в незавершенности процесса политической модернизации в центральноазиатских национальных окраинах. Несколько десятилетий – конец XIX – 1917 г. – отведенных на освоение политических инноваций, оказались слишком малым сроком для того, чтобы функциональное предназначение европейских политических институтов пришло в условиях господства традиционных политических культур в соответствие с их реальным содержанием. Следует также иметь в виду, что политическая модернизация, начавшаяся в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах, осуществлялась параллельно с модернизацией экономической. Последняя существенно изменила социально-экономическую структуру Степного края и Туркестана. Флагманами преобразований выступали добывающая и перерабатывающая отрасли, в также железнодорожное строительство. Наблюдалось усиление урбанизации, развитие кредитно-банковской системы, торговли, рынка труда [22]. Важным следствием модернизационных процессов стало углубление и расширение товарности производства, в том числе в аграрном секторе. Все это, безусловно, создавало предпосылки для усиления социальной мобильности населения региона и роста этнического самосознания [23].

В тоже время, рост числа предприятий и объемов производства в Степном крае шел относительно медленными темпами по сравнению с промышленностью центральных губерний России. В 1913 г. в регионе насчитывалось только около 0,7 % предприятий метрополии, на которых работало лишь 0,2 % от числа всех работающих [24]. Удельный вес промышленной продукции Степного края от общероссийской накануне Первой мировой войны составлял не более 0,3 % [25].

По материалам Первой всероссийской переписи населения 1897 г. структура занятости, например, казахского населения выглядела следующим образом: от общей численности казахов традиционно животноводством продолжало заниматься 72 %, земледелием – 24 %, частной службой – 1,46 %, торговлей – 0,52 %. В городах Степного края численно преобладали русские. Казахи среди горожан Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей Степного края составили 16 %. Еще более сельским являлся состав коренного населения Туркестанского края: по переписи 1897 г. из 4987 тысяч человек только 576 тысяч человек или 11,6 % проживало в городах. В начале XX в. произошло некоторое увеличение численности городских жителей из числа коренных народов до 14,4 % [26].

Преобладание в социально-экономической и политической сферах центральноазиатских национальных окраин традиционных норм, ценностей и установок предопределило трудность и замедленность процесса освоения элементов западной политической культуры. В социальной структуре этнических общностей региона продолжали сохранять свои позиции клановая и родовая идеология, трайбализм и мусульманское этносознание, но не социально-классовые и политико-экономические интересы. Институционализация новых структур не сопровождалась деинституционализацией традиционных, а привела лишь к совмещению и сосуществованию традиционного и современного.

В условиях господства родового и кланового сознания демократические выборы, антураж избирательных кампаний на административные должности системы местного самоуправления лишь прикрывали существенную черту традиционных обществ. Важнейшей особенностью традиционного потестарно-родового политического сознания было отсутствие понятия о власти и тем более партии как абстракциях. Иным словами к 1917 г. в традиционной политической культуре пока еще не произошла деперсонализация сознания.

Освоение элементов западной политической культуры и местного самоуправления тормозилось отсутствием базиса парламентаризма – социальной структуризации общества исторически сложившимися отношениями предпринимательства и свободного найма рабочей силы, сильных профсоюзов, бюрократии современного типа, развитых политических партий и прессы. Органы местного самоуправления превращались в арену столкновения клановых и родовых интересов, соперничества в назначении своих членов на административные посты. Чиновники из местной этнической среды вынуждены были действовать в рамках двух систем ценностей. Однако незнание большинства их русского языка, как языка официального делопроизводства, давление, которое они испытывали со стороны родственников, делали их пассивными проводниками имперской политики в центральноазиатском регионе.

Выводы

Подводя итоги, отметим, что последовавшая после включения центральноазиатских национальных окраин в сферу интересов Российской империи, политическая модернизация данного этнорегиона привела к определенной трансформации традиционных политических установок,

внедрению инокультурных инноваций. Это, в свою очередь, заметно изменило облик традиционных обществ региона, заложило основы политической системы, более адекватно отвечающей решению вставших перед ними проблем в новой исторической ситуации. Особенностью этих процессов стали асинхронность освоения западных политических структур и ценностей, в результате чего функциональное предназначение ряда современных политических институтов не отвечало их реальному содержанию. Наполнение новых форм частично модифицированным традиционным содержанием в значительной степени было обусловлено прочностью цивилизационных основ, значимостью для центральноазиатских обществ традиционных политических ценностей и символов, бесперспективностью легитимации политических инноваций за счет ущемления легитимности освященных веками традиционных институтов.

Благодарности

Авторы выражают благодарность Российскому гуманитарному научному фонду за финансовую поддержку, оказанную при выполнении статьи. Проект № 15-31-12023 «Революции 1917 г. в России и «национальный вопрос» (на примере центральноазиатских национальных окраин)».

Примечания:

1. Капшелер А. Россия – как многонациональное государство. М., 1992.
2. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя. 1552–1917. Смоленск: Русич, 2000.
3. M. Hagen. Does Ukraine Have a History? // Slavik Review, Vol. 54. No. 3 (Autumn, 1995).
4. Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire / Ed. by Matsuzato, Kimitaka. Slavic Research Center, Hokkaido University, 2007. 273 p.
5. Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века) // Сборник научных статей. М., 1997.
6. Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия. М., 2003.
7. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 130–143; 1996. № 11–12. С. 39–72.
8. Миронов Б.Н. Историческая социология истории. Спб., 2009. С. 50.
9. Shaidurov, Vladimir. Poles in the economy of Siberia and Central Asia in the second half of the 19th century (as illustrated in the Poklewski-Koziell family). *International Business Management*. 2015. Vol. 10. Is. 3. pp.: 194-195.
10. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.) / И.В. Анисимова, Ю.А. Лысенко и др. Барнаул: Азбука, 2014. 284 с.
11. Ковалышкіна Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири. Концепция государственной политики и областническая мысль. Томск: изд-вл Томского государственного университета, 2005. С. 97–98.
12. Лысенко Ю.А., Анисимова И.В. Позиция центральных и региональных органов власти по вопросу организации системы местного самоуправления в казахской степи (вторая половина XIX – начало XX в.) / Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. Барнаул. 2013. Вып. 3. С. 46–54.
13. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 490. Л. 38–38об.
14. Лысенко Ю.А., Куликова М.В. Система местного самоуправления в казахской степи: идеология реформ и проблемы реализации (конец XVIII – середина XIX в.) / Ю.А. Лысенко, М.В. Куликова // Известия Алтайского государственного университета. Серия история, политология. 2013. № 4/1. С. 181–189.
15. Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1960. Док. № 131. С. 404.
16. Революция 1905–1907 гг. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент: Наука. 1985.
17. Айкап. 1911. №5. С. 2.
18. Зиманов С.З. В.И. Ленин и советская национальная государственность в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 45–54.
19. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2303. Л. 34–53.
20. Айкап. 1912. № 7. С. 7.
21. Восточное отделение правительства Алашорды. Сборник документов. Семей: Отан, 2010. 425 с.
22. История Казахстана в пяти томах. Алматы: Наука, 2000. Т. 3. С. 571.
23. Лейзерович Е.Е. Социальные и экономические итоги Российской колонизации Туркестана. Тель-Авив, 2001. С. 163.
24. Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 137.
25. Жиренчин К.А. Политическое развитие Казахстана в XIX – начале XX в. Алматы, 1996. С. 148–153.

26. Всероссийская перепись населения. Т. 81. Акимолинская область. СПб., 1904. С. 84–87; Т. 84. Семипалатинская область. СПб., 1905. С. 88–89; Т. 85. Семиреченская область. СПб., 1905. С. 92–95; Т. 86. Сыр-Дарьинская область. СПб., 1905. С. 116–119. Т. 87. Тургайская область. СПб., 1904. С. 62–63; Т. 88. Уральская область. СПб., 1905. С. 88–109.

References:

1. Kappeler, A. Russia – a multinational country. Moscow. 1992.
2. Hosking, J. Russia: People and Empire. 1552-1917. Smolensk. *Rusich*, 2000.
3. Hagen, M. Does Ukraine Have a History? *Slavik Review*, Vol. 54. No. 3 Autumn, 1995.
4. Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire / Ed. by Matsuzato, Kimitaka. *Slavic Research Center, Hokkaido University*, 2007. 273 p.
5. The Russian Imperial system in regional dimension (19th – early 20th century). *Collection of scientific articles*. Moscow. 1997.
6. Russian multinational civilization. Unity and contradictions. Moscow. 2003.
7. Dyakin, V. The issue of inter-ethnic relations in the domestic policy of tsarism. *Voprosy istorii*, 1995. № 9. pp. 130-143; 1996. № 11-12. pp. 39-72.
8. Mironov, B. Historical sociology of history. St.Petersburg. 2009. p. 50.
9. Shaidurov, V. Poles in the economy of Siberia and Central Asia in the second half of the 19th century (as illustrated in the Poklewski-Koziell family). *International Business Management*. 2015. Vol. 10. Is. 3. pp. 194-195.
10. Anisimova, I., Lysenko, Yu., Tarasova, E. Traditional Kazakh society in the national policy of the Russian Empire: conceptual framework and implementation mechanisms (19th – early 20th centuries). Barnaul. *Azbuka*, 2014. 284p.
11. Kovalyashkina, E. “Non-Russian problem” in Siberia. The concept of government policy and regional thought. Tomsk. *Publishing House of Tomsk State University*, 2005. pp. 97–98.
12. Lysenko, Yu., Anisimova, I. Central and regional authorities opinion on forming the system of local government in the Kazakh steppe (second half of the 19th – early 20th centuries) / Lysenko, Yu., Anisimova, I. // International relations in Central Asia: history and contemporaneity. *International research and training conference proceedings*, Barnaul. 2013. № 3. pp. 45–46.
13. The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan. f. 4. Inv. 1, d. 490. pp. 38–38.
14. Lysenko, Yu., Kulikova, M. The system of local government in the Kazakh steppe: ideology of reforms and problems of realization (late 18th – mid. 19th centuries) *Bulletin of Altai State University. History. Politology*, 2013. №4/1. pp. 181–189.
15. Materials on the history of the political system of Kazakhstan. Alma-Ata. *Nauka*, 1960. d. № 131. p. 404.
16. Revolution in Central Asia and Kazakhstan in 1905-1907. Tashkent. *Nauka*, 1985.
17. *Aikap*, 1911. № 5. p. 2.
18. Zimanov, S. Vladimir I. Lenin and Soviet national statehood in Kazakhstan. Alma-Ata. *Nauka*, 1970. pp. 45–54.
19. The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan. f. 4. Inv. 1, d. 2303. pp. 34–53.
20. *Aikap*, 1912. № 7. p. 7.
21. East department of Alashordy government. Collection of documents. Semei. *Otan*, 2010. 425 p.
22. History of Kazakhstan in five volumes. Almaty. *Nauka*, 2000. Vol. 3. p. 571.
23. Leizerovich, E. Social and economic results of the Russian colonization of Turkistan. Tel Aviv. 2001. p. 163.
24. Central Asia as a part of the Russian Empire. Moscow. *Novoye Literaturnoye obozreniye*, 2008. p. 137.
25. Zhirenchin, K. Political development of Kazakhstan in the 19th – early 20th centuries. Almaty. 1996. pp. 148-153.
26. National population census. Vol. 81. Akmolinsk oblast. St.Petersburg, 1904. pp. 84–87.; Vol. 84. Semipalatinsk oblast. St.Petersburg, 1905. pp. 88–89.; Vol. 85. Semirechensk oblast. St.Petersburg, 1905. pp. 92–95.; Vol. 86. Syr-Daryinsk oblast. St.Petersburg, 1905. pp. 116–119.; Vol. 87. Turgaisk oblast. St.Petersburg, 1904. pp. 62–63.; Vol. 88. Ural oblast. St.Petersburg, 1905. pp. 88–109.

УДК 93/94

Элементы европейской политической культуры в центральноазиатских национальных окраинах Российской империи: особенности восприятия инокультурных инноваций (конец XIX – начало XX вв.)

¹ Юлия Александровна Лысенко

² Инна Владимировна Анисимова

³ Ирина Борисовна Бочкарева

⁴ Марина Федоровна Лысенко

¹ Алтайский государственный университет, Российская Федерация
Доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения
656023, г. Барнаул, Алтайский край, проспект Ленина, 61
E-mail: iulua_199674@mail.ru

² Алтайский государственный университет, Российская Федерация
Кандидат исторических наук, доцент
656023, г. Барнаул, Алтайский край, проспект Ленина, 61
E-mail: iva0410@mail.ru

³ Алтайский государственный университет, Российская Федерация
Кандидат исторических наук, доцент
656023, г. Барнаул, Алтайский край, проспект Ленина, 61
E-mail: portnygina@yandex.ru

⁴ Алтайский государственный университет, Российская Федерация
656023, г. Барнаул, Алтайский край, проспект Ленина, 61
E-mail: rina_flamme@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются основные итоги политической модернизации в центральноазиатских национальных окраинах Российской империи, которая была проведена в 1870–1880-е гг. – начале XX в. В понятие «центральноазиатские национальные окраины» включены две административно-территориальные единицы: Степное и Туркестанское генерал-губернаторства, образованные в 1860-е гг. в результате завершения присоединения кочевий казахов Младшего, Среднего и Старшего жузов и завоевания Кокандского и Хивинского ханств, населенных как кочевыми (киргизы, каракалпаки), так и оседлыми (узбеки) народами.

Анализ источников и литературы, проведенный авторами статьи позволяет утверждать, что политическая модернизация, предложенная Российской империей центральноазиатским национальным окраинам, осуществлялась в русле фундаментальных характеристик западноевропейской цивилизации и ее основных элементов политической культуры. Поэтому результатом стали: создание системы местного самоуправления, введение и демократизация выборов через расширение электората, участие населения региона в общественно-политическом процессе, формирование элементов буржуазной идеологии, основанных на понятиях «равенство», «свобода», «самоопределение».

В тоже время, политическую модернизацию центральноазиатских национальных окраин следует считать незавершенной. Вплоть до 1917 г. в политической сфере народов региона продолжали господствовать традиционные нормы, ценности и установки, в социальной структуре сохранили свои позиции клановая и родовая идеология, трайбализм и мусульманское этносознание. Это предопределило трудность и замедленность процесса освоения элементов западной политической культуры. Институционализация новых структур не сопровождалась деинституционализацией традиционных, а привела лишь к совмещению и сосуществованию традиционного и современного.

Ключевые слова: Российская империя, центральноазиатские национальные окраины, традиционное общество, политическая культура, модернизация.